

Для точной идентификации племен всего этого недостаточно лишь потому, что мы вовсе не знаем этнической карты региона более двух тысяч лет назад. Речь может идти о далеких предках кафиров-нуристанцев или о других варварских племенах, живших в центральной части Гиндукуша. Но их локализация безусловно не соответствует ни Кашмиру, ни области кхасов (примерно район Алмора), а уровень культуры – городской цивилизации Кашьяпапуры, или Мултана. В ведийском же Kausika и вовсе трудно усмотреть какую-либо близость с касирами. То, что оба названия начинаются на букву «к», недостаточно для их идентификации.

Подобных экскурсов можно сделать немало. Недаром К. Карттунен высказывает надежду на то, что его работы стимулируют дальнейшие исследования античных источников об Индии. Будем ждать обещанный третий том.

А.А. Вигасин

© 2000 г.

W.J. VOGELSANG. *The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Studies in the History of the Ancient Near East. V. III.* Leiden – New York – Köln: E.J. Brill, 1992. XII, 344 p., il., map.

Рецензируемая монография голландского исследователя-ориенталиста Виллема Фогельсанга посвящена такой чрезвычайно интересной проблеме, как феномен организации государства Ахеменидов. Структурно она состоит из семи глав (1. Введение; 2. Земли Восточного Ирана; 3. Ахеменидские источники по Восточному Ирану; 4. Ранние классические упоминания о Восточном Иране; 5. Александр и Восточный Иран; 6. Археологические свидетельства; 7. Иранская Ахеменидская империя) и, кроме того, снабжена библиографией, картами и иллюстрациями.

Во Введении обозначается главный вопрос исследования, а именно: каким образом персы в исторически короткий срок, всего лишь за 20 лет, в пределах второй половины VI в. до н.э., сумели создать огромную империю от эгейского побережья на западе до долины р. Кабул на востоке, которую они, более того, сохранили на протяжении двухсот лет – вплоть до вторжения Александра Македонского? Ответ на этот вопрос автор предлагает искать в тех процессах, которые привели к возникновению царства Ахеменидов, а также в самой его структуре, особенно на ранней стадии его существования. По его мнению, ключевыми для более глубокого понимания структуры и функционирования Ахеменидской империи были ее восточные земли, населенные в основном ираноязычными племенами, этнически и культурно тесно связанными с самими персами, тогда как западное, месопотамское влияние на процесс ее образования в лице Новоассирийского и Нововавилонского государств не было столь определяющим, как это обычно предполагается. Эти восточные земли автор совокупно определяет как «Восточный Иран», подразумевая под таким историко-географическим термином обширнейшую территорию, простирающуюся от Каспийского моря на западе до долины Инда на востоке и от берегов Сырдарьи на севере до побережья Аравийского моря на юге. Иными словами, если следовать современной политической карте, то используемое им понятие «Восточный Иран» охватывает не только восточную часть собственно Ирана, но также и Афганистан, Пакистан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. Уже во Введении Фогельсанг выдвигает рабочую гипотезу, согласно которой возникновение и существование персидской державы Ахеменидов должны рассматриваться, по крайней мере для большинства ее иранских провинций, как продолжение предшествующих процессов в развитии иранского мира, включая широкомасштабное проникновение в первой половине I тыс. до н.э. на территорию Иранского плато с севера, из Восточного Прикаспия, кочевников-скифов/саков и родственных им племен, а также их важную роль в последующем управлении большей частью восточных ахеменидских владений.

Гл. 2–6 и посвящены собственно проверке данной гипотезы, для чего привлекается и анализируется большой объем информации, содержащийся как в древнеперсидских и

классических (греко-римских) письменных источниках, так и в археологических и иконографических материалах с территории Ирана, Афганистана, Пакистана и западной части Центральной Азии (т.е. бывшей советской Средней Азии). Наиболее важные выводы из проделанной работы приводятся в заключительной, 7-й главе.

В общем виде авторская концепция может быть суммирована следующим образом. В I тыс. до н.э. миграции скифских (сакских) и родственных им народов из степных и пустынных пространств Восточного Прикаспия в южном направлении, в области оседло-земледельческих культур, сыграли огромную роль в становлении и истории древнеиранской государственности. Прежде всего это прослеживается на примере образования в конце VII в. до н.э. в Западном и Северо-Западном Иране Мидийской державы. Ее возникновение в свою очередь вполне может быть сопоставимо с процессом образования несколько столетий спустя парфянской империи Аршакидов, кочевые основатели которой, пришедшие с севера, смешались с оседлым населением покоренной ими Парфии – области по обе стороны Туркмено-Хорасанских гор. Появление и активная деятельность скифов в конце VIII–VII в. в Передней Азии и Западном Иране стало следствием их вытеснения с земель на дальнем северо-востоке массагетами, обитавшими за р. Аракс (Амударья или Сырдарья). Пройдя через Восточный Прикаспий и далее по Великой Хорасанской дороге, скифы/саки оказались в конечном итоге на северо-западе Ирана, где одна их часть осела в Мидии, другая в Азербайджане, а третья ушла в направлении Анатолии. Исторические киммерийцы, этнически родственные скифам, испытывая давление со стороны прибывающих с востока групп населения, должны были также входить в это движение. Пришельцы, условно называемые «носителями скифского культурного комплекса» (the carriers of the Scythian cultural complex), принесли с собой в Западный Иран новые предметы вооружения (короткий меч-акинак; короткий сложный лук, пригодный для верховой стрельбы; трехлопастные наконечники стрел; колчан-горит; боевой топор-сагарис) и одежды (головной убор-башлык, длинные узкие штаны, необходимые при езде верхом). Под их же влиянием началось массовое использование конницы в военном деле. К VI в. до н.э. народы значительной части Иранского плато, не говоря уже о населении большинства территорий на северо-востоке, находились под сильным воздействием «скифского культурного комплекса». Надо полагать, что представители скифо-сакских племен составляли в основном доминирующий класс среди оседлого населения, тогда как другие северные кочевники продолжали обитать в граничащих с оазисными землями степях и пустынях.

Для времени, непосредственно предшествующего возникновению государства Ахеменидов ок. 550 г. до н.э., иранский мир в историко-культурном плане может быть поделен на две зоны, однако не в традиционном понимании, т.е. на западную и восточную, а на северную (скифскую) и южную. Первая зона, характеризующаяся высокой степенью влияния из степного пояса Евразии, протянулась от Армении и Каппадокии на западе через Мидию и Гирканию до Парфины, Маргианы, Бактрии и далее до Хорезма и Согды на северо-востоке. Южная зона представлена территориями, которые могут быть разделены на 1) земли, не затронутые в целом скифским влиянием (Гедросия); 2) так называемая «переходные области» (transitional areas), в культурном развитии которых прослеживаются, правда, часто незначительные, элементы «скифского культурного комплекса» (в число таких областей автор включает Персиду, косвенно подвергнувшуюся скифскому воздействию через мидийцев, а также Арахозию, Дрангиану, Карманию и Арию). Именно в северной, «скифской» части Иранского плато в конце VII в. до н.э. на основе смешения части пришлых скифов и автохтонного населения сложилось мощное политическое объединение с центром в Экбатанах – Мидийское царство, которое охватывало обширнейшую территорию от р. Галис (совр. р. Кызыл-Ирмак в Турции) до Парфины или даже Арии и Дрангианы в Восточном Иране, включая также на юге Персиду. Вся система административного управления этим государственным образованием строилась на личных связях между мидийским монархом («царем царей») и его окружением, пребывавшими в Экбатанах, с одной стороны, и местными правителями («царями») подвластных областей, с другой. Независимо от того, имели ли сами цари Мидии скифское происхождение или нет, многие из глав подчиненных им местных администраций были, вероятно, скифами. За ними было оставлено право управлять своими подданными, взамен чего они были обязаны уплачивать дань, а также в знак признания верховной власти «царя царей» направлять своих детей к царскому двору в качестве заложников. Кроме того, вполне вероятно, что они должны были ежегодно лично предстать перед мидийским монархом, как это имело место позднее в практике ахеменидских царей, устраивавших подобные смотры в Персеполе.

Кир II Великий, основоположник могущества Ахеменидов, сумел победить последнего

мидийского царя Астиага, считая себя при этом законным наследником последнего (будучи его внуком, согласно Геродоту, или же зятем, по данным Ктесия) и претендуя, естественно, на Мидийское царство в полном объеме. По сути дела, победители-персы продолжили использование мидийской организации власти над иранскими землями вплоть до падения их империи ок. 330 г. до н.э. Они, поместившись на самой вершине уже существующей иерархической лестницы мидийско-скифской администрации, не разрушали ее; более того, Ахемениды предпочли сохранить прежних мидийских и скифских правителей иранских и неиранских областей на их местах, рассматривая тех в качестве посредников (intermediaries) своей власти над населением империи. В целом ахеменидская система административного управления состояла из нескольких уровней: «царь царей»; местные областеначальники; сатрапы, назначавшиеся главой государства для исполнения его функций на местах. В то время как наиболее важными в этой системе были взаимоотношения между персидским монархом и местными правителями, введение института сатрапов могло быть обусловлено невозможностью, по причине огромных расстояний между различными частями империи, осуществления быстрых непосредственных отношений между столичным двором и местной властью, что, конечно же, таило в себе угрозу стабильности всего государства.

Владычество Ахеменидов изначально обосновывалось на признании их подданными в лице местных правителей областей персидской гегемонии. В Восточном Иране такие областеначальники часто имели скифское происхождение, на протяжении уже нескольких поколений управляя автохтонным иранским (нескифским) населением. Для упрочения своей власти эти скифы нуждались в поддержке Ахеменидов, которые в свою очередь в значительной мере зависели от первых с точки зрения поддержания при их посредстве собственного контроля в подвластных землях. Кстати, нельзя исключить, хотя это и невозможно определенно доказать, что сами Ахемениды имели скифо/сакское или по крайней мере восточноиранское происхождение. На это, в частности, могут указывать личные имена некоторых персидских царей, такие, как Камбиз (оно соответствует этнониму «камбоджи», под которым в древнеиндийских источниках фигурируют иранские племена, обитавшие в землях индо-иранского приграничья) и Виштаспа (это имя носили, например, отец Дария I и покровитель восточноиранского пророка Заратуштры). Как бы там ни было, и персы, и скифы были объективно заинтересованы в поддержании баланса взаимных интересов. И успех такой политики очевиден: во время вторжения Александра Македонского на помощь Дарию III пришли войска со всех концов ахеменидского Востока. Впрочем, когда персидский царь был разбит в битве при Гавгамелах и несколько позднее убит, эта система рухнула.

Отличительной чертой ахеменидской практики государственного управления являлся политический инстинкт персидских монархов. Они хорошо понимали те преимущества, которые могло дать приспособление к сложившимся еще до них политическим реалиям, и поэтому делегировали властные полномочия на местах вассалам, представлявшим местную правящую элиту, в обмен на признание ими персидской гегемонии. Другими словами, царство Ахеменидов базировалось не на военной или экономической мощи, а на авторитете власти, причем как самого персидского «царя царей», так и местных правителей из числа скифов и мидийцев. Все вместе они составляли доминирующий класс на большем пространстве империи, которая таким образом была поистине Иранской империей.

Такова в самых общих чертах концепция В. Фогельса относительно организации государства Ахеменидов. Если охарактеризовать ее в целом, то, с одной стороны, она бесспорно подкупает своей оригинальностью. Однако в то же самое время следует признать, что ее главный тезис – об исключительно важной роли выходцев из среды среднеазиатских кочевников в политико-административном устройстве подвластных персам земель, прежде всего Восточного Ирана, – представляет собой хоть и очень интересную, но все же только умозрительную гипотезу. По сути дела, основная аргументация автора базируется лишь на косвенных предположениях. Так, например, анализируя изображения делегаций из подвластных Ахеменидам земель на рельефах Ападаны в Персеполе (см. гл. 3), он выдвигает предположение, что здесь показаны исключительно представители высшей знати провинциального общества, а не его низы. Затем, при рассмотрении членов делегаций из Армении и Каппадокии (т.е. северо-западных областей империи), в экипировке которых присутствуют такие характерные элементы «мидийско-скифского культурного комплекса», как головные уборы-башлыки, длинные узкие штаны и мечи-акиаки, он делает вывод, что они, ввиду своего отличия в одежде от автохтонного населения названных земель, являлись местными правителями иноземного, скифского/мидийского происхождения. Подобный вывод, по мысли автора, может быть распространен, естественно, и на северо-восточные

области, где скифское влияние на политическую и культурную жизнь должно было ощущаться в еще большей степени. Однако, как думается, пример с костюмом и вооружением вовсе не обязательно свидетельствует о «скифском» этническом облике правящей элиты северных территорий Ахеменидского государства, поскольку башлыки, акинаки и т.д. могли быть ею просто заимствованы от евразийских кочевников, и не более того, тогда как рядовое население продолжало использовать традиционные виды одежды и оружия — это, если говорить об Армении и Каппадокии. То же самое следует сказать и о северо-восточных странах — Парфии, Арии, Бактрии, Хорезме и Согде, но, быть может, с той разницей, что там «скифские» мужская одежда и воинское снаряжение были восприняты не только в аристократической среде, но и в нижних социальных слоях. В любом случае, скифское происхождение правителей этих областей остается недоказанным.

Далее, исходя из своих соображений по поводу этнической принадлежности армянского и каппадокийского нобилитета, а также основываясь на работах А.М. Хазанова о раннегосударственных образованиях у кочевников Евразии¹, Фогельсанг высказывает предположение, что Мидийское царство было стратифицированным обществом, в котором доминирующим классом являлись мидийские/скифские завоеватели, осуществлявшие контроль над местным населением. И именно эта социально-политическая структура была в основном унаследована Ахеменидами. Но и здесь следует признать, что такая трактовка состава правящей элиты Мидийского государства объективно лишена строгих доказательств и опирается только на косвенные данные источников, в том числе на письменные сообщения о политической гегемонии скифов в Передней Азии, включая Мидию, во второй половине VII в. до н.э., в которых, тем не менее, ничего не говорится о скифском происхождении мидийских царей и их вассалов. Кстати, в этой связи представляется весьма спорным и тезис о возможном восточноиранском (пусть даже и необязательно скифо-сакском) происхождении династии Ахеменидов, выдвинутый автором вслед за Я. Харматтой² на основе анализа данных ономастики. Дело в том, что такие персидские имена, как Камбиз и Виштаспа, вовсе не являются специфическими только для восточных иранцев³.

Трудно согласиться также и с мнением автора монографии о роли ахеменидских сатрапов, которым он отводит главным образом функции царских представителей в провинциях в качестве посредников между самим царем и местными властями. На самом деле сатрапы, назначавшиеся, как правило, из персов, занимали очень важное место в управлении многими крупными областями государства, осуществляя в них всю полноту гражданской, а зачастую и военной власти⁴. И вовсе не случайным выглядит тот факт, что, к примеру, именно сатрап Бактрии Бесс, командовавший при Гавгамелах наиболее боеспособным воинским контингентом, набранным в восточных областях, после поражения и гибели последнего персидского монарха Дария III предпринял попытку восстановления в Восточном Иране державы Ахеменидов. Для должностного лица, хотя и очень высокого ранга, но не имевшего реальной власти в этой части империи, даже постановка подобной задачи была бы нелепой.

Тем не менее, несмотря на все эти замечания, нельзя не отметить сильные стороны работы Фогельсанга. Так, привлекает внимание очень основательная и разнообразная источниковая база исследования, охватывающая письменные свидетельства исторического и географического характера, памятники изобразительного искусства и археологические материалы. Последним специально посвящена гл. 6, и следует признать, что она представляет собой редкую серьезную попытку западного ученого привлечь данные, относящиеся к

¹ Khazanov A.M. The Early State among the Eurasian Nomads // The Study of the State. The Hague-Paris-New York, 1981. P. 155-175; *idem*. Nomads and the Outside World. Camb., 1984. P. 228-302.

² Harmatta J. The Rise of the Old Persian Empire. Cyrus the Great // AAASH. 1971. T. XIX. Fasc. 1-2. P. 4-8.

³ Ссылаюсь здесь на авторитетное мнение известного ираниста В.А. Лившица, высказанное рецензенту в частной беседе. По его же мнению, теория Фогельсанга о «скифском» фоне Мидийской и Ахеменидской империй не находит поддержки в лингвистических материалах, поскольку на сегодняшний день не выявлены сколько-нибудь достоверные скифские элементы в том, что известно о мидийском и древнеперсидском языках (но в то же самое время можно утверждать, что мидийский довольно существенно повлиял на словарный запас древнеперсидского).

⁴ См. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 108-118. Общается не ясным, почему автор рецензируемой монографии оставил без внимания это чрезвычайно важное обобщающее исследование по ахеменидскому Ирану, которое должно быть ему хорошо известно (хотя бы в переводе на английский язык: Dandamaev M.A., Lukonin V.G. The Culture and Social Institutions of Ancient Iran. Camb. etc., 1989).

эпохе раннего железного века, из археологических раскопок на памятниках бывшей советской Средней Азии, во многом ключевых для решения поставленных в монографии вопросов⁵. В результате серьезного интерпретационного анализа автору удалось создать довольно впечатляющую картину историко-культурного развития Ирана в период с начала I тыс. по IV в. до н.э. Некоторые его идеи заслуживают самого пристального внимания. Прежде всего это гипотеза о пути следования скифо-сакских племен в VIII–VII вв. до н.э. на Ближний Восток не через Кавказ, а через Восточный Прикаспий и Иранское плато. Это движение по своим культурно-политическим последствиям может быть поставлено (правда, не так прямо, как это утверждается в монографии, а с некоторыми оговорками) в один ряд с вторжениями номадов из степей Средней Азии в III–II вв. в Парфию и Бактрию, которые в конечном итоге привели к образованию Аршакидского, Кушанского и Индо-Скифского государств. Не менее интересной представляется и попытка обосновать очень раннее проникновение, по крайней мере в ахеменидское время, скифских/сакских племен на юг – в долину р. Кабул и Дардистан (область в верховьях р. Инд)⁶, с последующим распространением их культурного влияния на Таксилу (Гандхара). Впрочем, главный аргумент в пользу последнего – появление в Таксиле отмеченного Аристобулом (в передаче Страбона, причем, кстати, в пассаже XV. 1. 62 из его «Географии», а не XV. 1. 28 sqq., как указано в тексте монографии на с. 239) обычая выставления трупов на съедение хищникам именно под влиянием северных кочевников – не кажется убедительным, поскольку этот погребальный обряд, предназначенный для очищения костей от мягких тканей в соответствии с требованиями зороастрийского вероучения, получил очень широкое распространение в среде оседлых восточноиранских народов (бактрийцев и др.)⁷ и не может, таким образом, рассматриваться в качестве чего-то особо специфического только для культовой практики древних ираноязычных номадов.

Продолжая же тему достоинств рецензируемого труда, надо признать, что вполне обоснованным выглядит содержащееся там предложение рассматривать предахеменидский и ахеменидский Иран разделенным в историко-культурном плане не на западную и восточную, а северную и южную зоны, с явным наличием в первой элементов культуры из зоны евразийских степей. Само собой разумеется, что как это, так и все другие приведенные выше положения нуждаются в дальнейшей тщательной проработке.

Если же говорить о взаимоотношениях между среднеазиатскими степными племенами и Ахеменидами, то достаточно очевиден тот факт, что последние действительно оказывали сильное воздействие на социально-политические институты Персидской империи. В первую очередь это относится к сфере военного дела. Так, хорошо известно, что скифские/сакские контингенты занимали очень значительное место в структуре персидской армии, особенно во время крупных военных кампаний (таких, как сражение при Марафоне, поход Ксеркса в Грецию и битва при Гавгамелах) и что саки служили в персидских гарнизонах, расквартированных в Вавилонии, Египте и других странах⁸. Также показательно, что после поражения Дария III в его борьбе против Александра Македонского на самом северо-востоке державы Ахеменидов, в Средней Азии, находился единственный для всего Восточного Ирана очаг серьезного сопротивления захватчикам, причем видную роль в антимакедонских движениях, возглавляемых Бессом и особенно Спитаменом, сыграли племена, называемые в античных источниках скифами, дахами и массагетами (см. гл. 5). Поэтому, хотя центральный тезис Фогельса и представляется далеко небесспорным, в целом его книга является важным вкладом в изучение роли кочевых народов в формировании и развитии древнеиранской цивилизации имперской эпохи. И скорее беда ее автора, а не вина, что в дошедших до нас источниках нет прямых свидетельств в поддержку его

⁵ Справедливости ради следует оговориться, что русскоязычная научная литература по этой проблеме использована всё же недостаточно, и особенно это касается публикаций 80-х годов. Правда, причина этого кроется скорее не в пресловутой западной поговорке: «*Rossica non leguntur*», а в трудностях попадания этих публикаций за рубеж по вполне объективным причинам.

⁶ Точка зрения о том, что значительная группа сакских племен обитала на востоке Афганистана и в областях на северо-западе Индийского субконтинента не позднее VI в. до н.э., уже высказывалась в научной литературе: см. Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 86–89; Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 164–167.

⁷ См., например: Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепан-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983. С. 107–116.

⁸ Дандамаев, Луконин. Ук. соч. С. 229 сл.

концепции, пусть и весьма привлекательной, но все же построенной в основном на научной интуиции и логическом анализе всей совокупности косвенных данных. Как бы там ни было, мы имеем дело с очень серьезным исследованием, тема которого выходит далеко за рамки проблемы происхождения империи Ахеменидов и ее устройства и которое объективно едва ли может быть проигнорировано при изучении в дальнейшем самых разных аспектов истории и культуры ранних государственных образований на территории Иранского плато и Средней Азии.

В.П. Никоноров

HESKEL J. *The North Aegean Wars, 371–360 B.C.* Stuttgart: Steiner, 1997 (Historia – Einzelschriften. Ht 102). 186 p.

Казалось бы, в политической истории греческого мира IV в. до н.э. уже не осталось «белых пятен». Позднеклассическая эпоха, в достаточно полной мере освещенная источниками, многократно становилась предметом внимания антиковедов. Основные события внешнеполитической жизни этого времени подвергались и реконструкции, и интерпретации; создавалось впечатление, что сказать новое слово в этой области, например «открыть» ранее неизвестную военную кампанию, уже весьма сложно. И тем не менее в нашем случае речь идет именно об этом.

Молодая исследовательница Джулия Хескел посвятила свою первую монографию, вышедшую в приложении к журналу «Historia», практически совершенно не исследованной теме – войнам в Северной Эгее в 360-х годах до н.э. Имеются в виду многолетние тщетные попытки афинян восстановить свое господство в Амфиполе и Херсонесе Фракийском, утерянное в годы Пелопоннесской войны. Впрочем, помимо Афин в события в этом регионе в рассматриваемый период оказался втянутым целый ряд других государств и политических объединений. Достаточно только перечислить основных участников конфликта, чтобы убедиться, с каким сложным клубком противоречий мы имеем дело: Афины, македонские Аргеады, фракийский царь Котис I и его непокорный вассал Мильтокист, Фивы, достигшие в эту эпоху наибольшего могущества, Халкидский союз во главе с Олинфом, персидские сатрапы областей Западной Малой Азии (как сохранявшие лояльность царю, так и сепаратистски настроенные и, как следствие, постоянно воевавшие друг с другом), а также подвластные им греческие правители, зачастую выходившие из-под контроля своих сюзеренов. Интересы всех этих сил переплелись на северном побережье Эгейского моря. Спарта, хотя прямо и не участвовала в военных действиях, тоже внесла свою лепту в развитие событий. Не следует забывать и об устремлениях самих северозегейских городов (прежде всего Амфиполя), отнюдь не желавших быть пассивным объектом чьих-то притязаний и в меру своих сил пытавшихся проводить собственную политику. Наконец, дополнительным дезорганизирующим фактором являлось присутствие в регионе Харидема с отрядом наемников, неоднократно изменявшего своим «работодателям» и переходившего к новым: за время рассматриваемого конфликта он успел побывать на службе почти у всех его участников¹.

Тема, поставленная Дж. Хескел во главу угла, таким образом, уже а priori обещает быть сложной, но интересной. Однако, как ни парадоксально, ранее она еще ни разу не становилась предметом специального исследования, тем более монографического. Разумеется, авторы общих работ по истории второго Афинского морского союза, Фив, Македонии, Халкидского союза не могли не затрагивать этих вопросов хотя бы одним-двумя абзацами². Но дальше беглых замечаний, как правило, не шло. Одной из причин такого

¹ О ненадежности и неконтролируемости командиров наемных отрядов см. *Burckhardt L. Söldner und Bürger als Soldaten für Athen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 131 f.; *Marinović L.P. La vocation politique des mercenaires // Cahiers des études anciennes.* 1997. 33. P. 120.

² *Buckler J. The Theban Hegemony, 371–362 B.C.* Camb. Mass., 1980. P. 121 f., 255 f.; *Borza E.N. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon.* Princeton, 1990. P. 182 f.; *Cargill J. The Second Athenian League.* Berkeley, 1981. P. 34; *West A.B. The History of the Chalcidic League.* Madison, 1973. P. 108–114.